

Дубяго Л.С. Газета как массовый исторический источник изучения политической культуры провинциальной общественности Вятской губернии весной 1917 года // Научно-технические и социально экономические проблемы регионального развития: Материалы научной конференции / Под. Ред. В.В. Беляева, Л.А. Дедова, В.С. Кузнецова, Ф.И. Плеханова; Глазовский инженерно-экономический институт. – Глазов: Издательство Глазовского педагогического института, 2009. – С. 143-163.

Газета как массовый исторический источник изучения политической культуры провинциальной общественности Вятской губернии весной 1917 года

Новые подходы к изучению исторических явлений на первый план выдвигают человека как творца истории, главного субъекта исторического процесса, порождают интерес в историческом исследовании к выявлению сущности массового общественного сознания, политической культуры, мнений, оценок, отношений конкретных людей к тем или иным фактам современной для них жизни. Данная тема особенно интересна при рассмотрении переломных, рубежных периодов в истории нашего государства. Весна 1917 г. является ярким примером того, как средства массовой информации влияли на процесс формирования широко распространенных представлений о демократии, стереотипов и новых моделей поведения.

Цель данной статьи – попытаться раскрыть содержание социально-психологического восприятия революционной действительности в российской провинции весной 1917 г. на примере Вятской губернии, анализируя при этом такие категории, как общественное мнение, массовые настроения и политическая культура, через изучение массового исторического источника – губернской провинциальной газеты «Вятская речь», которая вышла в свет в марте-апреле 1917 г.

Итак, под общественным мнением понимают состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение той или иной общности к происходящим событиям и будущим явлениям, оценки прошлого. Массовые настроения ученые трактуют как особые психические состояния, однородные, свойственные достаточно большому множеству людей, как субъективные реакции, отражающие степень удовлетворенности общими социально-политическими условиями жизни и оценку возможностей реализации своих социально-политических притязаний¹.

Что касается определения сущности политической культуры, то существует множество подходов². Выделим некоторые из них. Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба отмечали, что каждая политическая система включена в особый образец, ориентированный на политические действия, под которыми они подразумевали политическую культуру. Среди основных признаков политической культуры были выделены такие, как: стабильность, многоценность, рационализм, значительное единство взглядов граждан на политические цели, средства их достижения, политические идеалы, приверженность политической системе, степень удовлетворенности ее функционированием, характер участия в осуществлении политических функций. Следовательно, политическая культура может трактоваться как определенный набор ценностей, внутри которого действует политическая система, как историко-психологический фон, на котором разворачиваются исторические события.

Иные политологи политическую культуру связывают с ценностями, с сознанием индивида и определенными образцами поведения, с совокупностью укоренившихся стереотипов политического поведения, считают, что политическая культура является суммой социально осознанных и глубоко прочувствованных ценностей и убеждений, которые предписывают политическую деятельность в данном обществе. Политическая культура, тем самым, является системой ценностей, глубоко укоренившихся в сознании, мотиваций, ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в отношении политической ситуации. Для Ю.С. Пивоварова политическая культура – система знаний и духовных ценностей, процессов и способов политической деятельности, политического опыта, традиций, политических институтов, некая обобщенная характеристика человека, отражающая степень его политической развитости и активности, умения применять политические знания на практике³.

Необходимо также учитывать то, что политическая культура представляет собой явление, складывающееся на протяжении продолжительного промежутка времени, проходящее через всю историю народа. Поэтому достаточно трудно отделить один тип политической культуры от другого в рамках одного народа, так как изменения происходят в ходе постепенной трансформации, при которой необходимое остается, устаревшее исчезает. Революция благодаря быстрой, кардинальной ломке общественных отношений может выступить в роли своеобразного рубежа, который определяет формирование нового типа политической культуры. Например, политическая культура большевистской России пришла на смену монархического типа. Данная логика позволяет говорить о том, что при смене данных типов культур должен быть некий промежуточный, переходный вариант, который смог соединить в себе черты как старого, так и нового варианта политической культуры. Поэтому изучение межреволюционного периода в данном контексте представляется весьма актуальным. На этом фоне особый интерес представляет изучение особенностей политической культуры в переломные периоды в истории нашего государства, характеризующиеся проявлениями острого кризиса, когда при быстрой ломке общественных отношений, при смене общественного строя происходило формирование нового типа государственных отношений и разрушение старого, создание новых стереотипов и представлений. Общественность категорично отказывалась от всего того, что могло напрямую или косвенно напомнить о старой самодержавной власти, произошел резкий отказ от царской символики. Их место заняли новые революционные символы в виде революционных песен, красных знамен, повсеместных празднований «праздников революции», всеобщей веры в абсолютную правильность происходящего и уверенность в светлое и счастливое будущее.

Газета как массовый исторический источник в изучении данных явлений особенно ценна. Пресса способна реально освещать мнения, оценки и настроения, которые царят в обществе, борьбу идей, содержание общественного сознания. В этом отношении она представляется особенно важным источником. Рассматривая прессу как исторический источник, можно выделить следующие ее достоинства: информационная неисчерпаемость, полнота, всесторонность, оперативность. Газета отличается близостью источника к отражаемым событиям. Однако периодика является источником не только ценным, но и весьма трудоемким и сложным⁴. Нельзя не учитывать наличие тенденциозности и предвзятости излагаемого материала, что присуще любому периодическому изданию. Печать, по сути, является проводником политических идей тех или иных политических сил. Поэтому определенное периодическое издание всегда дает свои оценки событий, которые укладываются в пропагандируемую идеологию и картину миру. Однако, несмотря на наличие субъективных факторов, данный источник обладает и

объективностью. Ложная информация и недостоверные материалы также имеют ценность, так как позволяют охарактеризовать объективную реальность, которая обусловила, породила данное искажение. Таким образом, газета дает возможность изучать политические пристрастия читателей и политические символы, проповедуемые газетой.

Газета способна создать у читателя ощущение праздника, вызвать состояние эмоциональной эйфории или, наоборот, искусственно нагнетать ситуацию, создавать атмосферу неизбежного провала и краха, поддерживать подобные настроения продолжительное время. Данные явления манипуляции массовым сознанием наблюдались в Вятской губернии в марте-апреле 1917 г. Так как большинство населения было безграмотным и малограмотным, то сильны были убеждения в том, что опубликованное в газете не может не быть правдой. В силу подобной темноты народа, велика была вера в силу печатного слова. Поэтому потенциальные возможности газеты манипулировать общественным сознанием на данном фоне еще более усиливались. Люди, находящиеся в состоянии глубокого эмоционального стресса, позитивного весной и негативного ближе к лету, не были способны критически оценивать постоянно и быстро меняющуюся информацию. Средства массовой информации способны привести к огромному социальному эффекту, сформировать определенные психологические свойства населения, например, ощущение «мы», сопричастности к происходящим событиям. Активное воздействие на чувства и эмоции человека позволяет переводить полученную информацию в знание, в понимание смысла, формируя тем самым определенные нравственные ценности и представления. Газета способна вовлекать широкую аудиторию и отдельно взятого человека в социальное творчество, предлагая на обсуждение острые проблемы и точки зрения. Печать может выполнять важную роль формирования общественного сознания, выступить как созидательная интегрирующая сила, способная консолидировать общество на основе пропаганды общих для всех идеологических принципов.

Итак, провинциальная пресса выступала основным инструментом проводника идей в народные массы, важным средством в формировании политических символов, что позволяет говорить о региональных изданиях как уникальных в процессе влияния на развитие общественного мнения российской провинции. Местные газеты были ближе к народу, реальнее учитывали его запросы и уровень культурного развития, чем элитарная столичная пресса.

Газета содержит не только сводку событий, представляет хронику в столице и в провинции, но дает и оценки современных политических изменений с разных политических позиций, публикует письма, отправляемые гражданами в редакцию, интерпретирует происходящие события, проводит агитацию тех или иных политических идей, популяризирует актуальные на тот момент лозунги. Поэтому необходимо выделить две концептуальные функции газеты, выполняемые в период Февральской революции. Во-первых, она активно отражала общественное мнение, уровень политической культуры, ибо ориентировалась на конкретного читателя, стремилась учитывать его пристрастия и интересы. Во-вторых, газета во многом влияла на сам процесс формирования политической культуры, внедряла в массовое сознание новые революционные демократические ценности свободы, гражданственности, единения, пытаясь и стремясь сформировать принципиально новый тип политической культуры.

Местная печать Вятской губернии к 1917 г. сложилась в целостную систему, став значительным фактором общественно-политической и культурной жизни. Характерной особенностью для вятской печати стало просветительское и демократическое направление, обращение к широким слоям населения. Результатом стало формирование

относительно широкой аудитории читателей, состоящей из местной интеллигенции, городского и сельского населения. Вятская печать подвергалась естественному влиянию со стороны центра и его прессы. Освещая жизнь провинции через местные новости, она отражала сведения и общегосударственного значения. Практически все решения, рождавшиеся в кулуарах Таврического дворца, и сообщения о событиях в Вятской губернии становились известны благодаря газетам. Среди провинциальных изданий достаточно активную позицию занимала «Вятская речь». Её редактором был народник – «чайковец» Николай Аполлонович Чарушин, известный общественный деятель. Газета начала выходить с 19 декабря 1907 г. Она стала преемницей других двух изданий «Вятская жизнь» и «Вятский край», которые были закрыты по воле властей. «Вятскую речь» можно охарактеризовать как либерально-народническое издание, которое активно поддерживалось земством. П.А. Столыпин назвал «Вятскую речь» «самой революционной провинциальной газетой»⁵. Газета за годы своего существования превратилась в центр притяжения оппозиционно настроенной демократической интеллигенции. Поэтому, как и многие другие печатные издания, «Вятская речь» подвергалась давлению со стороны власти. Основной формой преследования прессы было наложение денежных штрафов на редакторов за публикации негодных статей. Цензурные ведомства имели право налагать арест на отдельные номера изданий и возбуждать уголовные преследования редакторов⁶. «Вятская речь» уделяла много внимания критике представителей местной власти, в частности, активно критиковала вятского губернатора Горчакова. Газета не раз навлекала на себя подозрения как место сбора молодежи и составления прокламаций, поэтому вятские власти чинили газете различные препоны. Против неё 69 раз заводились дела. Порой её редакторы попадали в тюрьму. Газета в конечном итоге выплатила штраф на сумму около 18 тыс. рублей⁷.

Итак, в вятской печати получили свое отражение события февральских дней. Губернская газета «Вятская речь» в этом отношении достаточно репрезентативна. Несмотря на то, что газета издавалась в провинции, она пыталась шагать в ногу со временем в деле информирования населения о последних новостях. В марте 1917 г. основным предметом её публикаций стало освещение событий, произошедших не только в центре, но и в самой губернии. Самые первые послереволюционные выпуски «Вятской речи» в первую очередь были посвящены описанию хода революции в центре. Позднее газета стала уделять внимание и событиям, развернувшимся в Вятской губернии и в её уездах. Только середина марта была отмечена публикацией ряда статей, в которых «Вятской речью» была осуществлена попытка дать анализ революции, оценить её значение, наметить перспективы дальнейшего развития России.

Известие о падении самодержавной власти всколыхнуло Вятку, в редакции царило оживление. Интересна организация по инициативе газеты сбора денег в помощь освобожденным из тюрем политическим заключенным. «Вятская речь» в течение марта 1917 г. подробно знакомила своих читателей с событиями, происходившими в центре. Для этого была создана специальная рубрика «Организация новой России», в которой печатались различные циркулярные сообщения, сведения о деятельности Временного Правительства, опубликовывались различные обращения министров. В дни бурных событий газета старалась не забывать о войне, так как продолжала освещать хронику военных действий. «Вятская речь» имела рубрику «Последняя почта», в которой излагались различные внутренние и столичные вести, характеризовавшие политическое положение в России. Масса общероссийского материала перепечатывалась из столичных оппозиционных газет, таких как «Русское слово» и «Утро». Таким образом, газета не

игнорировала проблемы общероссийского плана. При этом она имела рубрики, посвященные событиям в Вятской губернии: «Вятка», «Хроника».

Первые частные известия из Петрограда о происходивших там демонстрациях и «сражениях войск и народа против полиции» начали распространяться в городе Вятке уже 25 февраля. Однако, по данным «Вятской речи», это были лишь слухи, привезенные из столицы отдельными лицами. Весть о победившей революции расходилась по губернии заезжими крестьянами и торговцами. В ночь с 27 на 28 февраля служащие железнодорожной станции Вятка-1 получили телеграмму за подписью депутата Государственной Думы В.Н. Бубликова, сообщавшую полиции об образовании в Государственной Думе Исполнительного комитета, взявшего в свои руки управление страной. Данный документ в сотнях копий распространялся по городу, и уже 1 марта его жители знали, что в Петрограде старой власти нет⁸.

«Вятская речь» отмечала, что в Вятку официальные сведения о революционных событиях поступили довольно поздно. 27 февраля в редакцию газеты не приходило никаких телеграмм из центра. Ни местная администрация, ни редакция точных официальных сообщений не получали. Лишь в ночь на 1 марта стали приходить телеграммы от Петроградского агентства, сообщавшие об организации и первых шагах Исполнительного комитета Государственной Думы. При этом вятский губернатор И.А. Руднев заявлял газете, что он никаких распоряжений о создании новой власти не получал. «Вятская речь» отмечала, что 2 марта по инициативе губернатора было созвано совещание представителей ведомств для решения вопроса о печати к публичному сведению поступивших телеграмм. В итоге большинством голосов было решено опубликовать их и пустить в свободную продажу. Именно поэтому «Вятская речь» запаздывала с освещением хода событий и передачей информации о том, что происходило в центре. 1 марта газета смогла сообщить лишь о том, что всю страну «как гром поразило» известие о роспуске Государственной Думы, «единственного, авторитетного центра». Газета приравнивала это событие к национальной катастрофе, сообщая, что «народная душа смертельно болит, сочится кровью»⁹.

Только на следующий день, 2 марта, «Вятская речь» писала о том, что «в последние дни в Петрограде произошли беспорядки»¹⁰. При этом ничего не говорилось об отречении Николая II и о создании Временного правительства и Петросвета. Состав нового правительства жители губернии смогли узнать из «Вятской речи» только 4 марта. В этом же номере было опубликовано обращение губернатора к населению губернии с призывом сохранять спокойствие, так как «всякое волнение в тылу – это измена врагу»¹¹.

Весна в Вятской губернии была встречена повсеместным чтением и бурным обсуждением только что полученных новостей в общественных и правительственных учреждениях, учебных заведениях. Как писала «Вятская речь», «радостная весть быстро неслась по городу». Газета восторженно говорила о свершившихся событиях, называя их величайшими в истории России, отмечая при этом, что революция была встречена населением «с неописуемым восхищением и ликованием». Дело доходило до того, что все поздравляли друг друга с новым «праздником революции», с «величайшим днем в жизни русского патриота»¹².

«Вятская речь» уделяла большое внимание не только новостям из центра, но и освещению событий, происходящих непосредственно в Вятке. Газета подробно освещала действия местных властей по организации охраны города. Она сообщала, что 3 марта губернатор пригласил к себе председателя губернской управы П.И. Панькова и городского голову П.И. Шкляева для обсуждения вопроса об охране города и передаче им контроля над полицией⁸. «Вятская речь» отмечала, что городской голова считал, что из-за

отсутствия людей трудно будет организовать милицию. Но как ни парадоксально, было признано возможным временно оставить охрану города в руках полиции старого формирования. На этой встрече губернатор изъявил полное согласие исполнять приказания новой власти. «Вятская речь» также сообщала, что большое влияние на ситуацию в Вятке оказывали воинские части, и прежде всего 106-й пехотный полк, который официально заявил, что берет охрану города в свои руки до организации милиции¹³.

В этот же день 3 марта в зале губернского земства состоялось соединенное собрание гласных Вятской Городской Думы и представителей общества, войска, железнодорожных служащих и рабочих. Заседание началось с чтения телеграммы начальника штаба М.В. Алексеева об отречении Николая II от престола. Как сообщала «Вятская речь», Городская Дума единогласно высказалась за признание нового правительства и «выразила воодушевившую всех гласных радость по поводу поражения старого ненавистного режима дружным “ура”»¹⁴. Однако главным на заседании стало решение об организации комитета по охране города, получившего название исполнительного. В итоге по распоряжению губернатора полиция в городе была разоружена, а оружие было отдано организованному исполнительному комитету, в ведение которого переходила функция охраны города. Таким образом, к 3 марта был сформирован исполнительный комитет по охране г. Вятки как центра образования новой власти в губернии.

Однако, несмотря на создание комитета, роль старой администрации в лице губернатора была по-прежнему велика. 4 марта И.А. Руднев разослал телеграммы уездным исправникам, в которых предлагал им «оставаться на местах и войти в согласие с местными городскими и земскими самоуправлениями для дальнейшей охраны населения на местах»¹⁵. По приказу губернатора по уездам был разослан и Манифест об отречении Николая II¹⁶. Таким образом, в губернии до 6 марта существовало два центра власти: исполнительный комитет и старая администрация. Однако 6 марта губернатор распоряжением Временного Правительства был отстранен от должности, и вся власть в губернии была передана в руки председателя губернской земской управы П.А. Панькова, который стал губернским комиссаром¹⁷.

Итак, период с 28 февраля по 6 марта был отмечен тем, что насильственного свержения старой власти не произошло. «Вятская речь» освещала активизацию земского и городского самоуправления, которые смогли создать комитет по охране. Газета отмечала, что комитет оперативно решал все важнейшие политические вопросы. Однако газета писала и о том, что в данный период губернатор и его администрация сыграли прогрессивную роль, так как активно сотрудничали с Временным Правительством. Несмотря на то, что И.А. Руднев являлся «ставленником старого правительства», по мнению «Вятской речи», губернатору не был свойственен «чиновничий формализм», он не ставил преград в претворении тех или иных начинаний со стороны земств и городов¹⁸. «Вятская речь» выражала благодарность последнему губернатору за то, что тот в условиях «реакционного правительства продолжал лояльно относиться ко всем общественным организациям и не проявлял «присущих ставленникам реакционного строя качеств»¹⁹.

По нашему мнению, февральские и мартовские события в Вятской губернии, нашедшие отражение в прессе, имели следующие черты. Во-первых, революционные изменения, по сообщениям «Вятской речи», начались только после получения из Петрограда известий о свершившейся революции и образовании Временного Правительства и Петросовета. Во-вторых, не произошло конфликта между представителями новых властных образований и старой администрацией. Последняя просуществовала еще несколько дней, продолжая выполнять свои функции. Более того,

имелись прецеденты сотрудничества с новыми органами власти. В итоге, с определенной достоверностью можно говорить о том, что революция в Вятке носила мирный характер, без насильственного устранения старой власти, которая уступила руководство губернией исполнительному комитету по охране.

«Вятская речь» также подробно знакомила своих читателей с событиями, происходящими в уездах Вятской губернии. В частности, она особое внимание уделила освещению «исторических дней»²⁰ в г. Глазове. Так же, как и в центре Вятского края, на ее периферии Февральская революция была встречена с ликованием и восторгом. «Вятская речь» сообщала, что великие дни в г. Глазове начались 5 марта, когда в здании земской управы состоялось собрание представителей города, земства, кооперативов. Газета отмечала, что данное мероприятие протекало при «многочисленном стечении граждан». «Вятская речь», пытаясь передать всю важность и торжественность происходящего, описывала: председатель Трухин сначала ознакомил всех с «переживаемым моментом», затем «призвал все общественные элементы к единению с Временным Правительством». В принципе, речь его была традиционной и характерной для любого подобного мероприятия, происходившего в те дни. Затем неким Михайловым было внесено предложение: выразить свое отношение к Временному Правительству. После чего было единогласно решено послать телеграмму председателю Государственной Думы М.В. Родзянко. В данном документе сообщалось о том, что объединенное собрание представителей земства, общественных организаций, кооперативов и граждан г. Глазова «выражает живейшую радость и признательность Государственной Думе за то, что она взяла на себя в трудный момент почин создания новой власти в духе пожеланий народа». Государственной Думе приписывалась возможность открывать «новые пути к достижению желанной победы над врагом, раскрепощению народа от векового рабства»²¹.

Далее «Вятская речь» сообщала, что 6 марта состоялось экстренное заседание Глазовской Городской Думы, которое началось с заслушивания Манифеста об отречении Николая II. После этого Городская Дума постановила приветствовать новое правительство телеграммой, в которой выразила уверенность в том, что «народные избранники» вполне благополучно закончат начатое переустройство России. Далее на повестку дня было поставлено обсуждение ряда первоочередных задач. «Вятская речь» сообщала, что по продовольственному вопросу и вопросу охраны было решено организовать на широких демократических началах распорядительно-продовольственный комитет по охране, заседание которого состоялось 6-го марта при «большом стечении граждан и представителей воинских частей». Последнее свидетельствовало о высокой политической активности широких масс населения в Глазовском уезде. Председателем собрания был избран представитель правления кассы мелкого кредита А.Г. Крухин. Соблюдая принцип гласности, на всеобщее обсуждение были поставлены два вопроса: об охране города и уезда и о выработке наказа распорядительно-продовольственному комитету. «Вятская речь» отмечала, что при обсуждении первого вопроса прибыл начальник гарнизона полковник Мельницкий. Он заявил, что имеет распоряжение о разоружении полиции, которое намерен выполнить 7-го марта. Однако во время обсуждения данного вопроса явилась делегация местного пехотного полка, представители которой сообщили, что офицеры постановили разоружить городскую полицию. Делегаты просили исполнить немедленно данное решение. Газета отмечала, что постановление собрания офицеров комитетом было встречено «дружным и долгим “ура”»²². Соответственно судьба полиции была решена, а охрана города и уезда временно была доверена воинским частям и выборным сельским властям.

8 марта в жизни уезда «Вятская речь» провозгласила днем организации городской милиции. С этой целью состоялось собрание Городской Думы с участием представителей общественных организаций и воинских частей. Газета подробно показала процесс решения вопроса о начальнике будущей милиции. Первоначально было решено воспользоваться услугами Люмского, так как он хорошо был знаком с милицией. Однако он отказался. Дело в том, что, по его мнению, невозможно служить с новым комиссаром Шиковым, который не являлся выборным от земств, был назначен старым правительством и «злейшим врагом свободы»²³ князем Горчаковым, бывшим губернатором Вятской губернии. Именно этим была обоснована позиция, выражавшая невозможность того, чтобы Шиков стал во главе уезда как комиссар. Таким образом, газета уделила внимание острым прениям о правах комиссара, после чего выяснилось, что упоминаемый выше Люмский сам являлся некогда вятским полицмейстером, долго служившим в полиции. Итак, газета делала акцент на том, что членом милиции не может быть избрано лицо, которое ранее служило в полиции.

Таким образом, наблюдается некоторое противоречие и непоследовательность в трактовке событий «Вятской речью», что проявлялось, с одной стороны, в стремлении продемонстрировать мирный, бескровный характер революции, намеренной демонстрации уважительного отношения к старой администрации. С другой стороны, четко усматривается стремление отгородить, особенно подчеркнуть важность революционных изменений и противопоставить их всему, что так или иначе было связано со старым режимом. Это может быть объяснено замешательством и некоторым недопониманием происходящего, что отразилось в двойственном отношении к старой и к новой властям, что также свидетельствует о невозможности кардинального изменения существовавших представлений. В итоге мыслилось и думалось в «новое время» старыми категориями. Данная тенденция получила свое дальнейшее развитие.

В целом, первые шаги Февральской революции, зафиксированные в массовом сознании, стимулировали всплеск энтузиазма и политической активности широких слоев населения. Центральными символами, которыми оперировала газета в эти дни, стали «свобода», «демократия», «народ», «единение». «Вятская речь» в одном из своих выпусков провела параллель февральских событий в России с Великой Французской революцией XVIII в., провозглашая при этом, что отречение стало «падением самодержавной вековой Бастилии», «мрачного капища произвола, насилия и глумления» над «угнетенной Россией». На этом фоне актуальным стало использование известного лозунга «свобода, равенство и братство»²⁴.

«Вятская речь» делала все, чтобы создать ощущение радости, великого праздника. К тому же март пришелся на время традиционных массовых гуляний: вербную неделю и Пасху, самого важного церковного праздника. Пасха всегда служила символом надежды, веры в лучшее и в атмосфере революционной эйфории и братства получила несколько иное содержание. Она символизировала «возрождение» России. В 1917 г. церковный праздник совпал с «праздником второй русской революции». Под этим выражением «Вятская речь» подразумевала не только конкретный день, но и состояние общества после Февральской революции в целом. Следует отметить, что в «Вятской речи» элементы традиционной православной религиозности гармонично сочетались с революционными символами и лозунгами. Данное явление можно обозначить как «революционная религиозность»²⁵. «Праздник революции», прошедший в Вятке 12 марта, начался с молебна, совершенного первоосвященным Никиандром, епископом Вятским и Слободским на площади кафедрального собора. «Вятская речь» отмечала, что народ нес наравне с иконами и хоругвями красные знамена²⁶. Интересно по своему содержанию

стихотворение, написанное в честь «весеннего праздника революции» неким Л.Г. и опубликованное в газете, в котором есть следующие строки:

Реют флаги. Везде красный цвет,
Крови цвет, но толпа благодушна.
И гремит Марсельезы привет
В свежем воздухе, тая послушно.
Масса войск. Четко ровен их ряд,
Гордо подняты ясные лица,
И залогом победы горят
Ало-красные ленты в петлице²⁷.

Религиозная символика привлекалась с целью оправдать революцию, придать ей сакральный смысл. Цель ее состояла в мобилизации населения для необходимого для властей поведения и для толкования новых явлений в светской жизни. Как отмечает И.В. Нарский, привычные религиозные формы культуры не устарели, а начали функционировать в новой ситуации новым образом. Многими совпадением победы революции с Пасхой расценивалось как знаменательный символ. Оно означало веру в начало всего хорошего, перерождение в новом светлом облике, воскресение русской жизни. Элементы традиционной православной культуры не отрицались и не очернялись как проявление старого и прошлого, наоборот, активно использовались для обеспечения большей эффективности революционной пропаганды. Учитывая особенности психологии масс, газета неоднократно использовала религиозную лексику: «священная», «святая» и т.д. С воскресением Христовым ассоциировалось «рождение русской Свободы», новой «Свободной России».

Интересен тот факт, что Пасха традиционно была «окрашена» в красный цвет. В праздничных песнопениях Пасха фигурирует как «Красная». Известно, что красный цвет был признан ключевым символом революции. Красные флаги и банты выступали важнейшим атрибутом и революционной декорацией. В дни празднования Пасхи внутреннее убранство православной церкви всегда украшалось красным цветом. Великие врата, аналой покрывались красными покрывалами. Революционный красный цвет гармонично накладывался на веками формировавшиеся привычные образы, элементы традиционной, по сути православной культуры. В данном случае вновь прослеживается двойственность политической культуры. Несмотря на то, что православная церковь всегда выступала в роли духовной опоры самодержавия, многие атрибуты и символы православной веры стали одновременно и символами русской революции.

«Вятская речь» также усиленно декларировала превращение обычного провинциального обывателя в истинного гражданина, что провозглашалось почетным и важным завоеванием революции. Слово «гражданин» стало общепринятым обращением, которое по своей популярности не уступало такому понятию, как «свобода». Ни одна заметка, статья, рубрика в «Вятской речи» не обходилась без обращения к гражданину будущей демократической республики²⁸. Таким образом, «Вятская речь» пыталась поместить общедемократические принципы в систему новой складывающейся политической культуры.

Как и любое важное событие, Февральская революция имела своих героев. Таковыми, по словам «Вятской речи», стали «борцы, павшие за свободу»²⁹. Газета сообщала, что 3 марта на заседании Вятской Городской Думы была почтена память тех, кто «лег костями за освобождение России»³⁰. 5 марта в здании земской управы состоялось собрание учащихся города Вятки. Как сообщала «Вятская речь», молодежь собралась с той же целью – почтить память борцов, павших за свободу. В их честь два раза была исполнена

«Вечная память» (молитва, совершаемая при церковной панихиде), после чего «Марсельеза» и «Смело товарищи в ногу». Революционные песни и церковные песнопения как атрибуты разных культур в данном случае вновь гармонично дополняли друг друга³¹.

«Вятская речь» подробно освещала проходивший 11 марта в Вятке «с большим воодушевлением» первый митинг. Он был посвящен чествованию памяти героев революции. На нем присутствовало много учащихся, солдат и рабочих. Программа мероприятия была поделена на две секции. На первой секции прозвучали марш «Вы жертвою пали...», исполненный хором учащихся под управлением преподавателя реального училища П. Капустина, вступительное слово о вечной памяти В. Штейнберга и доклад, посвященный краткому историческому очерку освободительного движения в России. На второй секции выступил Л.П. Лашкевич, который в своих рассуждениях развил мысль о том, что «долг молодежи заключается в укреплении той свободы, которую только что завоевало настоящее поколение». Далее прозвучала речь солдата Григоровского, обратившего общее внимание на сравнительное положение солдат при старом строе и в новое время, «личность солдата была притеснена, теперь же она признана полноправной, впервые солдат может свободно выступить в общественно-политической жизни, не боясь последствий». Его выступление вызвало гром аплодисментов, которые переросли в овации. На митинге мог высказываться любой желающий, и таких было очень много³².

В целом, подобные мероприятия производили сильное впечатление на участников, которые не скрывали своего восторга от происходящего, что создавало ощущение ответственности и соучастия в великих событиях, чувство сопричастности происходящему, а также свидетельствовало о росте политической активности широких масс населения. Последнее проявилось и в том, что в честь второй русской революции по предложению группы граждан публичная библиотека имени императора Николая I, «душителя русского просвещения», созданная А.И. Герценом, стала носить имя своего основателя³³.

Праздник играл роль символического восстановления порядка и был одной из форм выработки новых ориентиров. Митинги, «праздники революции», выступления ораторов, возможность выступить любому желающему – все это создавало ощущение невероятного торжества, чувство счастья и великой радости, заряжало позитивом и укрепляло, усиливало веру в то, что именно новая власть в лице Временного Правительства была способна обеспечить светлое будущее.

Звуковое сопровождение состояло из сплошь авторитетных звуков – привычных (церковный хор или церковные песнопения) и новых (по сути, тоже старые, но звучащие в новых условиях). Революционные напевы марсельезы активно влияли на сознание присутствующих, создавая условия для формирования у них соответствующего настроения. Колоссальный эффект достигается при неоднократном повторении революционных песен. Поэтому в подобной атмосфере всеобщей эйфории трудно остаться равнодушным к происходящему.

Очень популярны были так называемые «кружечные сборы», в которых принимали участие широкие слои населения. Они также были нацелены на формирование чувства сопричастности, почитания героев революции, пострадавших за свободу, уважения героев войны, льющих кровь за Свободную Россию. Каждый «гражданин» по мере сил мог оказать помощь тем, кому обязан своей «свободой». Населению внушалось чувство гордости за происходящие события. Все граждане своим поведением и делами должны

были соответствовать величию «исторического момента», возлагая на себя ответственность перед историей.

Подобные мероприятия, организуемые на основе позитивного настроения, закладывали в сознание людей определенные мифологемы: образы героев революции, образ врагов или «темных сил», которые ассоциировались со старым режимом и потому имели негативное содержание. Старой власти противопоставлялся образ новой демократичной, действующей сугубо в интересах народа и от его имени. Такое представление нацеливало людей на веру в светлое счастливое будущее, порождало множество иллюзий, уверенность в том, что они стали очевидцами обновления реалий русской действительности. Подобное манипулирование сознанием людей формировало толпу, которой легко управлять, которая верит тому, что ей говорят, легко восприимчива к революционной пропаганде, не способна в итоге критически оценивать происходящее. Все формируемые образы и политические символы, несомненно, оказывали сильное влияние на неискушенную политикой массовую публику, которой все было в новинку. Так как опыт участия в революционных событиях был не велик, свержение самодержавия произошло впервые, то воздействие политических символов на умы людей и на их поведение было очень велико.

Также следует отметить, что «Вятская речь» большое внимание уделяла публикации различного рода телеграмм, отосланных из Вятки в Петроград. В основном это были телеграммы, адресованные министрам Временного Правительства. Ни одно мероприятие не обходилось без составления приветственных посланий представителям новой власти. Например, прошедшее 3 марта объединенное собрание гласных началось с обсуждения текста приветствия М. Родзянко и председателю Временного Правительства князю Е.Е. Львову³⁴. На собрании учащих была составлена телеграмма министру народного просвещения³⁵. Вятский окружной суд отправил свое послание министру юстиции А.Ф. Керенскому, а служащие губернской Вятской уездной землеустроительной комиссии – министру земледелия А.Л. Шингареву³⁶. «Вятская речь» отмечала, что телеграммы отсылались не только общественными организациями, но и частными лицами³⁷. Несмотря на то, что все эти документы были адресованы различным людям, следует отметить, что бесспорным лидером среди них был «истинный русский гражданин М.В. Родзянко»³⁸. Все телеграммы имели схожее содержание: «невыразимая радость» по поводу падения самодержавия и перехода управления страной в руки «народных избранников», подтверждение своей глубокой преданности новой власти, готовности «беззаветно и самоотверженно бороться за светлое будущее Новой России»³⁹.

В марте «Вятская речь» пыталась отразить единство общества. Газета пропагандировала то, что в его основе лежало понимание необходимости не допустить возврата к старому, обеспечить проведение курса реформ и созыва Учредительного собрания. «Вятская речь» 8 марта призывала своих читателей «во что бы то ни стало сохранить это единство», «всемерно поддержать Временное Правительство»⁴⁰. Газета утверждала, что «здание азиатского абсолютизма» рухнуло, поэтому Временное Правительство на данный момент выступало неким компромиссом, «политическим выражением временного союза всех общественных групп», основанного на отрицании старого режима⁴¹. Газета провозглашала, что задачей всех являлось соблюдение принципа согласия с целью сохранения блока всех политических партий. Подобная линия поведения признавалась «Вятской речью» единственно верной формой действий, являлась «священной обязанностью» всех политических течений. Поэтому всякие распри и партийная борьба грозили уничтожению всех завоеваний революции. «Вятская речь» видела реальную возможность восстановления старого режима в результате «работы

темных сил»⁴². Однако при этом отмечала, что самодержавие рухнуло с легкостью карточного домика, «под напором стихийного народного движения сгорело без остатка», и тем самым противоречила сама себе, утверждая, что существовала реальная возможность возрождения старой власти.

По мнению «Вятской речи», спасение России заключалось в новом правительстве, которое выступало «национальным вождем»⁴³. Необходимо было «отречься от губительной привычки отделять себя от власти». «Вятская речь» провозгласила народ главным носителем власти, Временное Правительство единственным представителем законной власти в стране, «способной объединить ее под знаменем свободы, победы и порядка»⁴⁴. Поэтому газета настаивала на том, что все силы должны быть направлены на сплочение общества вокруг правительства и его всемерную поддержку.

После Февральской революции «Вятская речь» провозгласила новое понимание смысла войны. Участие в боях означало теперь защиту независимости «Свободной России»⁴⁵. Перед обществом ставилась задача «обеспечить славное завершение войны», «одолеть внешнего врага». Дело освобождения России должно быть доведено до конца, так как «уничтожив внутреннего врага, необходимо уничтожить и внешнего». Лозунг «долой войну!» провозглашался «изменой делу народной свободы», так как «земля должна быть так же свободна от вражеского насилия и его оков, как свободен сейчас народ от деспотизма старой власти»⁴⁶. Провозглашалось теперь, что истинный «революционер» обязан быть по определению «патриотом». Между этими разными по содержанию понятиями ставился смысловой знак равенства. Быть патриотом значит быть революционером, и наоборот. Итак, участие в мировой войне, по сути, интерпретировалось как участие в борьбе за свободу.

Постоянно звучащие подобные патриотические лозунги призваны были объединять «граждан» и поддерживать их в состоянии мобилизационной готовности к активному участию в общественных процессах. Их цель – создать условия для легитимизации новой власти, создать мотив для оказания ей всецелой поддержки со стороны широких слоев населения.

Газета большое внимание уделяла созданию системы образов внешних и внутренних врагов. Внутренним врагом выступали «темные силы». «Вятская речь» указывала на появление «каких-то темных подозрительных лиц», которые, прикрываясь военной формой, призывали солдат не выполнять караульную службу и не подчиняться своим офицерам, а население – не поддерживать новое правительство⁴⁷. Под «темными силами» газета могла подразумевать монархически настроенных представителей духовенства, чиновников, все те общественно-политические силы, которые не пожелали признать революционные изменения в России.

Интересен механизм озаконивания «Вятской речью» самой революции. Революция в «Вятской речи» представлялась в качестве закономерной реакции на политику самодержавия, «как акт народного самосохранения и возвращения к национальным интересам» ради продолжения войны за свободу и против возрождения былой жизни⁴⁸.

Интересна статья в «Вятской речи», в которой автор, рассуждая о перспективах политического устройства России, пытаясь построить планы на будущее, доказывал, что монархия имела крепкие корни в народе до 1905 г. По его мнению, вводить в то время республику означало «вырвать монархию из народа», который на данном этапе ещё не был чужд царистским настроениям. Поэтому, по мнению автора статьи, подобное могло привести к «внутреннему и внешнему междоусобию», так как до 1905 г. царь воспринимался народом как «идеал правды», «защитник от произвола помещиков и чиновников». Веря в него, народ пошел на выборы Государственной Думы и «поручил ей

довести до сведения монарха свои заботы». Однако Государственная Дума была распущена, и в эти дни «ради спасения государства от царя, народ предпринял революцию». В 1905 г. монархия сама «вырвала себя из сердца народа», а в 1917 г. «вырвала с корнем». Именно поэтому не могло быть и речи о восстановлении монархии весной 1917 г. «Монарх жив, но монархия умерла». Не имело смысла «искусственно оживлять то, что умерло»⁴⁹. Таким образом, автор считал, что образованию республики предшествовали объективные обстоятельства и Россия готова для организации государственного управления на новых для нее демократических началах.

Интересно постоянное подчеркивание в «Вятской речи» сугубо народного происхождения революции, которая провозглашалась выражением «державной воли всей русской нации», «национальным протестом в великом национальном движении»⁵⁰.

Что случилось? Проснулся народ,
Расправляет могучие плечи
И судьбу в свои руки берет,
Созывая народное вече⁵¹.

Новой политической традицией становилось провозглашение на молебнах трех здравниц. Первая звучала в честь «свободного народа», вторая – «народного правительства», третья – «народной армии». В целом революция в «Вятской речи» представлялась национальной, народной, общерусской.

Таким образом, в марте в Вятской губернии наблюдались эмоциональный подъем, энтузиазм, митинговая активность практически всего населения. В общественном сознании, благодаря средствам массовой информации, формировалась определенная система новых политических символов и традиций. Таким в умах многих провинциальных обывателей через «Вятскую речь» сложился образ свободной России, пропитанный стереотипами и верой в то, что идеи новой жизни дадут вскоре ожидаемые результаты, пронизанный страхом перед возвратом к прошлому. Последнее смогло обеспечить столь стремительный психологический разрыв провинциальной общественности с самодержавным прошлым весной 1917 г.

В заключение необходимо отметить, что анализ «Вятской речи» выявил активную политическую позицию вятской общественности. Повышенный интерес общества к Февральской революции проявился, прежде всего, в публикации большого количества материала, освещавшего события, происходившие не только в центре, но и в самой Вятской губернии. Проводимая со страниц газеты агитация за единение всех политических сил с целью поддержать Временное Правительство повлияла на создание ощущения радости за полученную «свободу» в умах многих жителей губернии. В частности, это отражено во всеобщем праздновании «весеннего праздника революции», которому «Вятская речь» уделила немало внимания. О политической активности провинциальной общественности говорило и обилие приветственных телеграмм, отосланных на имя министров Временного Правительства с разных концов Вятской губернии. Об этом свидетельствовало и создание образов героев революции, и активное чествование «борцов за свободу». Таким образом, «Вятская речь» в первый месяц существования новой России смогла повлиять на формирование общественного мнения.

Однако анализ содержания материалов «Вятской речи» также показал, что политическая культура «Новой России» отличалась противоречивостью, конфликтностью, двойственностью, амбивалентностью, нестабильностью. Одним из системообразующих элементов российской политической культуры оставалась, как и прежде, православная вера. Внешне политическая культура «Свободной России» отображала сущность западной культуры участия, которой свойственны свобода слова, мысли, собраний, политический

плюрализм, народовластие и т.д. Однако внутренне содержание политической культуры революционной России во многом пересекалось с традиционной, патриархальной культурой. В частности, подобное получило свое проявление в слабом понимании массами происходящего. Например, многие, заблудившись в свободе выбора, не зная, что с ней делать, не сумели осуществить осознанный выбор, вступив в итоге сразу в несколько партий⁵². Отсюда стереотипность и примитивность восприятия, сохранение прежней ориентации на авторитеты и острой потребности в сильном лидере, который должен взять на себя весь груз ответственности кардинальных перемен, решить насущные вопросы с целью улучшения условий жизни населения. Крайне персонализированные взаимоотношения между большинством населения и лидером получили свое отражение в приветственных телеграммах от граждан в адрес министров Временного правительства и на имя М.В. Родзянко. В текстах посланий ярко проявились завышенные ожидания от новой власти. Поэтому говорить о формировании принципиально нового демократического типа политической культуры не приходится. Отказаться полностью от тех установок и представлений, которые формировались веками невозможно за короткий период хоть и революционных потрясений. В данном случае необходимо говорить лишь об ускорении процесса переоценки ценностей и смене старых представлений. Данный процесс протекал на фоне формирования новых стереотипов, создаваемых во многом на основе традиционных убеждений. Таким образом, политическую культуру революционной России следует отнести не к демократическому типу, а к патриархальному, но с явными сдвигами в сторону западного образца.

Примечания

- ¹ Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны : На примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний : дис. ... канд. истор. наук.
- ² Трушков В.В. Общество и отечественная политическая культура. XX век. – М., 2001. – 301 с.; Арзамасова А. Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов : дис. ... канд. политич. наук. – Казань, 2004; Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122-134.
- ³ Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Полис. – 2007. – № 5.
- ⁴ Дергачева Л.Д. К вопросу об источниковедческом изучении дореволюционной журналистики России // Государство и общество. История, экономика, политика, право – 2001. – № 1. – С. 87 – 99.
- ⁵ Сергеев В.Д. Из истории Вятских газет. – Вятка-Киров, 2000. – С. 56.
- ⁶ Вахрушев А.А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века): Учебное пособие. – Ижевск: Издательство Удм ун-та, 1994. – 112 с.
- ⁷ Андреева Л.М. Кадетская пресса на Урале 1907-1917 гг. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Материалы III научной конференции. Том I. – Киров, 1995. – С. 109-112.
- ⁸ 4 марта в Вятке // Вятская речь – 1917. – 4 марта. – С. 2
- ⁹ Вятка 1 марта // Вятская речь. – 1917. – 1 марта. – С. 2.
- ¹⁰ Последняя почта. Внутренние и столичные известия // Вятская речь. – 1917. – 1 марта. – С. 2.
- ¹¹ Организация новой России // Вятская речь. – 1917. – 4 марта. – С. 3; Телеграмма вятского губернатора // Вятская речь. – 1917. – 4 марта. – С. 1.
- ¹² В Вятке // Вятская речь. – 1917. – 4 марта. – С. 3.
- ¹³ Там же.

- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Соединенное собрание гласных граждан г. Вятки // Вятская речь. – 1917. – 5 марта. – С. 2.
- ¹⁶ Государственный Архив Кировской Области (ГАКО). Ф. 1345. Оп. 1. Д. 3. Л. 50-51.
- ¹⁷ Там же, л. 52-54.
- ¹⁸ Благодарность И.А. Рудневу // Вятская речь. – 1917. – 8 марта. – С. 3
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Исторические дни в г. Глазове // Вятская речь. – 1917. – 22 марта. – С. 4
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Вятка 14 марта. На пороге новой жизни // Вятская речь. – 1917. – 14 марта. – С. 2.
- ²⁴ Отречение Николая II // Вятская речь. – 1917. – 8 марта. – С. 3.
- ²⁵ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001. – 682 с.
- ²⁶ 12 марта. Праздник революции // Вятская речь. – 1917. – 14 марта. – С. 3
- ²⁷ Весенний праздник революции // Вятская речь. – 1917. – 17 марта. – С. 3.
- ²⁸ 12 марта. Праздник революции // Вятская речь. – 1917. – 14 марта. – С. 3
- ²⁹ Собрание учащихся // Вятская речь. – 1917. – 5 марта. – С. 6.
- ³⁰ Соединенное собрание гласных // Вятская речь. – 1917. – 5 марта. – С. 1-2.
- ³¹ Собрание учащихся // Вятская речь. – 1917. – 7 марта. – С. 6.
- ³² Первый митинг в Вятке // Вятская речь. – 1917. – 13 марта. – С. 3.
- ³³ Хроника // Вятская речь. – 1917. – 11 марта. – С. 2.
- ³⁴ В Вятке // Вятская речь. – 1917. – 4 марта. – С. 3.
- ³⁵ Собрание учащихся // Вятская речь. – 1917. – 7 марта. – С. 6.
- ³⁶ Телеграмма из Вятки в Петроград // Вятская речь. – 1917. – 8 марта. – С. 4.
- ³⁷ В Вятке // Вятская речь. – 1917. – 4 марта – С. 3.
- ³⁸ Отклики из Вятки // Вятская речь. – 1917. – 9 марта. – С. 4.
- ³⁹ Отклики из уездов. Телеграмма из Вятки. // Вятская речь. – 1917. – 8 марта. – С. 4.
- ⁴⁰ Задачи момента // Вятская речь. – 1917. – 8 марта. – С. 2.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Печать о событиях. // Вятская речь. – 1917. – 7 марта. – С. 2
- ⁴⁴ Вятка 15 марта // Вятская речь. – 1917. – 8 марта. – С. 2.
- ⁴⁵ 12 марта. Праздник революции // Вятская речь. – 1917. – 14 марта. – С. 3.
- ⁴⁶ Вятка 15 марта. // Вятская речь. – 1917. – 15 марта. – С. 2.
- ⁴⁷ Вятка 8 марта // Вятская речь. – 1917. – 8 марта. – С. 2.
- ⁴⁸ На пороге новой жизни. Вятка 14 марта // Вятская речь. – 1917. – 14 марта. – С. 2.
- ⁴⁹ Республика или монархия // Вятская речь. – 1917. – 23 марта. – С. 2.
- ⁵⁰ Вятка 17 марта // Вятская речь. – 1917. – 15 марта. – С. 2
- ⁵¹ Весенний праздник революции // Вятская речь. – 1917. – 22 марта. – С. 3.
- ⁵² Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Фонд 45. Отдел по собиранию и изучению материалов по истории коммунистической партии и октябрьской революции при вятском губернском Комитете партии (история партии). Оп 1. Д. 44. Л. 148.